

Ирина Ильинична Петрова (урожденная Богданова) — кандидат технических наук, автор многих научных трудов по проблеме новых материалов для электронной техники. В последнее время занимается сбором и обобщением материалов, связанных с отражением Крымской тематики в российской словесности конца XVIII — начала XX веков. Автор-составитель книг «По Крыму — Пушкину вослед» (1996), «Солнцем позолоченное детство» (1999), «Вся просвещенная Россия сто лет жила под каплей звон Бахчисарайского фонтана» (2000), «Крымская война сквозь призму поэзии» (2001), «Мне только память о тебе — наследство» (2001), «О, Таврическая ночь!» (2002). Автор ряда очерков и рассказов, публикаций в газетах «Миниатюра» и «Слава Севастополя» и книги «Петровские тропы» (2002) о совершенных ею многочисленных горных путешествиях.

Родилась в Севастополе, проживает в Санкт-Петербурге.

Ирина Петрова

«ПАМЯТЬ О СОЛНЦЕ В СЕРДЦЕ»

Балаклава Анны Ахматовой

Санкт-Петербург
2002

Ирина Петрова (Богданова).

«Память о солнце в сердце». Балаклава Анны Ахматовой.
Изд. 2-е, исправленное и дополненное. - СПб, 2002. - 16 с.

Этюд-размышление об одной из мало известных страниц жизни в Крыму Анны Андреевны Ахматовой весной 1908 года, связанной с предместьем Севастополя Балаклавой, имеющем древнюю историю и воспетом многими деятелями русской культуры городком.

Издание осуществлено за счет средств автора.
Редактирование и компьютерная верстка —
Василий Петров.

Другие произведения И.И.Петровой размещены и постоянно обновляются по адресу:

<http://ii.petrova.narod.ru/>

Отзывы и предложения просьба направлять по адресу
ii.petrova@narod.ru

© Петрова И.И., 2002

«Подарки вернули друг другу в Севастополе весной 8 года»
(там же, С.164).

11. «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева... Верю, что моя судьба быть его женой» (из письма С.Штейну 2 февр. 1907. — А.Хейт, С.321).
12. «Я не могу оторвать от него душу мою» (из письма С.Штейну 11 февр. 1907. — А.Хейт, С.323).
13. П.Лукницкий, «Встречи...», С.44.
14. «Папина двоюродная сестра... была гречанка и водила меня в греческую церковь в Севастополе (на Слободке)» («Записные книжки Анны Ахматовой. (1958-1966)», Москва-Торго, 1996, С.298).
15. Лукницкий «Встречи...», С.98. «Наше наследие», 1989, №3, С.84.
16. «Записные книжки... С.662.
17. И.Берлин. Из воспоминаний «Встречи с русскими писателями». (в кн. «Воспоминания об Анне Ахматовой», С.442).
18. Страбон. «География», М. 1994, книга 7, С.282.
19. «Греческие предки А.А., по ее мнению, были морскими разбойниками» (М.И.Будыко. «Рассказы Ахматовой», в кн. «Об Анне Ахматовой», Л. 1990, С.461).
20. Л.К.Чуковская в трехтомном труде «Записки об Анне Ахматовой» (М.: «Согласие», 1997) пересказывает рассказ Анны Андреевны, как однажды, возвращаясь в ялике с рынка в Херсонес и обидевшись на братьев и сестру, она «выбросилась» из лодки и вплавь добралась до далекого берега (Т.1, С.215).
21. О ее знании творчества В.Брюсова во время учебы в Киеве в 1906-07 годах вспоминала ее одноклассница В.А.Беер («Листки из далеких воспоминаний» в кн. «Воспоминания об Анне Ахматовой», С.30).
22. «Записные книжки...», С.15.
23. П.Лукницкий «Встречи...», С.98.
24. «Я поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве». А.Ахматова. «Сочинения...», Т.2, С.267.
25. А.Хейт, С.164.
26. С.Елпатьевский в упоминавшемся очерке писал, что приезжие воспринимали балаклавскую бухту как озеро.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андрей Антонович Горенко (1848-1915) был, в свою очередь, сыном флотского офицера Антона Андреевича Горенко (1818-1891), прослужившего в Севастополе всю жизнь, принимавшего участие в Обороне города 1854-55 годов и содействующего его возрождению в 70-80-е годы.
2. «Дом Шухардиной» (1959) (см. А.Ахматова. «Сочинения в 2 томах». М.:ХЛ, 1990. Т.2, С.271).
3. Н.Глен. «Вокруг старых записей» (в кн. «Воспоминания об Анне Ахматовой». М.:СП, 1991, С.628).
4. А.Найман. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: ХЛ, 1989, С.152.
5. А.Марченко в своем эссе «С ней уходил я в море...» («Новый мир», 1998, вып.8,9) обращает внимание на балаклавские мотивы в творчестве Ахматовой, но она предполагает ее частые туда наезды, а не постоянное проживание в течение сезона.
6. Братья Андрей и Виктор и сестра Ия.
7. «Совсем больна... Если бы видели, какая я жалкая и ненужная... В Евпатории я вешалась, и гвоздь выскочил из известковой стенки...» - из письма к С.Штейну конца 1906 года. Печат. по кн. А.Хейт. «Анна Ахматова. Поэтическое странствование», М.: Радуга, 1991, С.319.
8. Поэт Николай Степанович Гумилев, ставший весной 1910 года мужем А.А., приезжал к ней в Севастополь летом и осенью 1907 года (П.Лукницкий. «Биографическая канва Н.Гумилева». «Наше наследие», 1989, №3, С.82. Г.Котинский. «Николай Степанович Гумилев». «Брега Тавриды», 1996, №4-5, С.230). О знакомстве Анны Горенко с Николаем Гумилевым в канун 1905 года, см. в восп. В.Срезневской «Дафнис и Хлоя» в кн. «Воспоминания об Анне Ахматовой», С.5-18.
9. «Я болею, тоскую и худею... Был бронхит, плеврит и хронический катар легких. Теперь мучаюсь горлом. Очень боюсь горловую чахотку... Живем в крайней нужде... Севастополь. Малая Морская №43, кв.1» (из письма С.Штейну – А.Хейт, С.326).
10. «В 1908 году в Севастополе Николай Степанович получил окончательный отказ». (П.Лукницкий. «Встречи с Анной Ахматовой, Т.1, 1924-1925. Paris, YMCA PRESS, 1991, С.178).

Тихая Балаклава, уютная...

А. Куприн

В жизни одного из самых значительных представителей российской культуры первой половины XX века Анны Андреевны Ахматовой, родившейся в 1889 году в семье флотского офицера Андрея Антоновича Горенко¹, огромную роль сыграли месяцы, проведенные на родине ее отца, в Севастополе, особенно на западной его окраине, вблизи руин древнегреческого Херсонеса. Об этом свидетельствуют как собственные строки поэта, так и многочисленные записи и воспоминания ее друзей. В год своего 70-летия Анна Андреевна с горечью писала об утрате дорогих ей мест, где ее впервые посетила Муза: «Нет и дачи Тура («Отрада» или «Новый Херсонес») – три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет я жила каждое лето и заслужила прозвище «дикой девочки»... Херсонес / куда я всегда возвращаюсь / - запретная зона...»² «Херсонес – главное место в мире», - говорила она в те же годы своему другу и добровольному секретарю Нике Николаевне Глен, рассказывая о найденной ею когда-то в Херсонесе куске мраморной плиты с письменами³. «Я – последняя херсонидка», - часто со значением говорила она⁴.

Отзвуки ее продолжительного пребывания в Севастополе в 1896-1903 годы, а также в 1907-08 и 1916 годах, мы находим во многих ее стихах и, конечно же, в поэме «У самого моря». Однако до обидного скупы сведения о ее жизни в другом пригороде Севастополя, древней Балаклаве, весной-летом 1908 года. Среди поэтов, там побывавших, ее имя обычно даже не упоминается⁵. Между тем есть основания полагать, что этот удивительный городок оказал на нее благотворное влияние, и она не забывала об этом всю жизнь.

Чтобы лучше прочувствовать балаклавские месяцы ее жизни, вспомним обстоятельства, им предшествующие. Летом 1905 года родители Анны Андреевны расстались; семья Горенко,

прожившая в Царском Селе 15 лет, распалась. Зимой 1905-06 мать Ахматовой, Инна Эразмовна, с детьми⁶ проводит в Евпатории. Следующий год Анна живет у родственников в Киеве, учась в выпускном классе киевской Фундуклеевской гимназии. Все это время ее моральное состояние подавленное⁷. С осени 1906 года по ее инициативе возобновилась переписка с царскосельским знакомым Николаем Гумилевым, который еще в 1905 году сделал Анне предложение, не встретившее отклика в девичьей душе.

К лету 1907 года помимо невроза сердца у нее развилась легочная болезнь. Семья переезжает в Севастополь; некоторое время живет в пригороде, у Песочной бухты, где в это время появилось новое дачное место — грязелечебница доктора Шмидта. «Весной 907 на дачу Шмидта поехали, - диктует она в 1925 году биографу Гумилева П.Лукницкому. — Коля приезжал. Осенью переехали в Севастополь — Малая Морская, дом Мартино — с мамой. Отец живет в Петербурге»⁸. В этом году Гумилев навещает ее дважды: в июне и октябре, и на даче Шмидта, и в Севастополе. Он привозит новые книги, рассказывает о культурных событиях. Оба раза делает предложение стать его женой и уехать с ним учиться в Париж. Увы, романтические признания его не встречают ответного чувства. По пути из Севастополя в Париж летом 1907 (на пароходе «Олег») он пишет свое известное стихотворение «Отказ»:

Царица - иль, может быть, только печальный ребенок, -
Она наклонилась над сонно вздыхающим морем,
И стан её, стройный и гибкий, казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.
.....
Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое: «Не надо»...
Царица - иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

/ *Может быть лучше, что я не стала / Вашей женой...»*,
- напишет она в 1911 году, уже будучи женой Н.Гумилева,
живя в Петербурге и вкусив первые плоды своего
поэтического успеха.

Может быть, воспоминаниями о той балаклавской весне
навеяны строки, родившиеся во взбудораженном Петрограде
весной 1917 года?

*Еще весна таинственная млела,
Гулял прозрачный ветер по горам,
И озеро глубокое синело —
Крестителя нерукотворный храм²⁶.*

*Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молила о второй.
И вот сегодня снова жаркий вечер, -
Как низко солнце стало над горой...*

Каждый, кто бывал в Балаклаве или хотя бы видел ее
издалека, например, от здания Диорамы на Сапун-горе в
Севастополе, запечатлевает в памяти контур ее Крепостной
горы с четко выделяющимися на фоне неба старыми башнями.
Не о них ли вспоминала Анна Андреевна в послевоенную
пору, составляя список утрат дорогих ей мест, когда писала:

*Кто знает как пусто небо
На месте упавшей башни...*

Нам же важно осознавать, что эти башни, видевшие
мореходов и купцов, воинов и рабов, пламя битв и пожарниц,
расцвет и падение, многолюдство и безлюдие, принимавшие в
свою тень множество представителей российской культуры,
которыми мы и ныне гордимся, видели еще никому не известную,
но все же и тогда необыкновенную Аню Горенко, вскоре
ставшую большим поэтом Анной Андреевной Ахматовой,
ныне во всем мире известную и почитаемую.

*Даже девочка, что ходит
В город продавать хамсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.*

*Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.*

*Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Всё сильнее биенье крови
В теле, раненом тоской.*

Могли быть и другие знакомства, ведь в Балаклаву на отдых приезжали многие интеллигентные семьи. Там работал летний театр, была неплохая библиотека. Судя по фактам биографии Анны Андреевны, у нас есть все основания полагать, что трехмесячное пребывание в Балаклаве оказалось для А.А. очень благотворным, прибавило физических сил, улучшило жизненный настрой. В самом деле, уже в августе, в разгар сезона виноградолечения, она одна (редкость по тем временам) уезжает к отцу в Петербург и возобновляет там сношения с Н.Гумилевым. «Осенью (в августе) я поехала в Петербург. Одна. В Петербурге неделю — вот так была, а может быть, даже дней 10. Видела... Николая Степановича», — диктует она в 1925-м Лукницкому²³. Из Петербурга она возвращается в Киев и поступает на Высшие женские курсы²⁴ (а год назад писала С.Штейну: «Врачи сказали, что курсы — смерть»²⁵). Возможно, что именно в Балаклаве она почувствовала уверенность в себе, перестала ощущать себя «жалкой и ненужной никому», рассталась со своими детскими мечтаниями, со своим «царевичем», поняла, что действительная жизнь богаче грез. «Память о солнце в сердце слабеет...

Поразительно, как очень молодой, с большим, но уязвленным самолюбием юноша, тоже измученный ее переменчивостью и неопределенностью, нашел силы для такой точной характеристики душевного состояния Анны той поры.

И осенью болезнь и подавленность не оставляют ее⁹. А тут и погода испортилась:

*Осень сменилась зимой дождливой,
В комнате белой от окон дуло,
И плющ мотался по стенке сада.
«У самого моря»*

Таковы и ныне в старых домах севастопольские комнаты: с одной рамой в окнах, поэтому зимой от них дует, и с белеными стенами, благо негашеная известь почти на каждом шагу под ногами встречается.

Но вот наступил 1908 год. Весной вновь из Парижа приезжает Н.Гумилев. На сей раз между ними происходит «окончательный разрыв»¹⁰. Что же явилось причиной этих упорных отказов, ведь в начале 1907-го она обнадежила юношу своим согласием?¹¹ Это могло быть и из-за обострения туберкулеза, недавно, в 1906-м, унесшего в могилу сестру Инну, жену С.Штейна (она писала ему, что теперь понимает душевное состояние сестры в конце ее жизни), может, у нее просто не было ни моральных, ни физических сил для резкого изменения судьбы, а может, она решила сделать еще одну попытку определиться со своей полудетской любовью к царскосельскому знакомому, студенту университета Владимиру Голенищеву-Кутузову (о своем чувстве она в эту пору не раз писала С.Штейну¹²). Ведь признавалась же она Лукницкому спустя почти двадцать лет, что «в жизни любила один раз... но как! В Херсонесе... ждала от него письма... Каждый день, по жаре, за несколько верст ходила на почту, и письма так и не получила»¹³.

Между тем крымская весна властно вступила в свои права:

*Вдруг подобрело темное море,
Ласточки в гнезда свои вернулись,
И сделалась красной земля от маков,
И весело стало опять на взморье...*

Пора определяться с местом жительства в новом сезоне. Выбор пал на расположенную в 12 верстах от Севастополя Балаклаву, которая к этому времени уже зарекомендовала себя как спокойный и недорогой курорт, населенный греками-рыбаками, потомками переселившихся сюда при Екатерине II выходцами с Ионического архипелага, воевавшими на стороне России в русско-турецкую войну 1768-1774 годов. Возможно, что вариант Балаклавы был подсказан греческими родственниками со стороны отца¹⁴. О Балаклаве той поры можно составить довольно точное представление по многим литературным источникам. Во-первых, по повести А.И.Куприна «Листригоны» (1913), брызжущей солнечными и лунными мазками и бликами, по многим его рассказам разных лет. Во-вторых, - по яркому и поэтическому очерку «Балаклава» (в цикле «Крымские очерки», 1913) врача и писателя-краеведа С.Я.Елпатьевского. Во всех произведениях особо подчеркивается мирная и доброжелательная атмосфера этого места, имеющего неповторимый ландшафт и многовековую историческую судьбу.

Лишь сравнительно недавно появились доказательства жизни там Анны Горенко. Во-первых, это строка в записях П.Лукицкого, сделанная под диктовку А.А. 2 апреля 1925 года: «Весной 8 в Балаклаву переехали, на дачу»¹⁵; во-вторых, - это собственноручная запись Ахматовой в ее последней рабочей тетради, сделанная осенью 1965 года, когда она все чаще задумывалась о написании своей биографии: «Балаклава (одно лето)»¹⁶. Есть и третье, поэтическое, доказательство (о нем ниже).

А сколько о таврической луне написано в первой половине и в середине XIX века (А.Пушкин, Я.Полонский, П.Вяземский и многие еще)!

Можно, я думаю, не сомневаться, что Аня Горенко также проводила на утесе эти дивные вечера. И могли (должны были) возникнуть знакомства, провожания... Не о них ли четверостишие, хранившееся полвека то ли на клочке бумаги, то ли в памяти, и внесенное в рабочую тетрадь с пометкой «Балаклава» в 1958 году²²:

*Улыбнулся, вставши на пороге.
Умерло мерцание свечи.
Сквозь него я вижу пыль дороги
И косые лунные лучи.*

Кто этот улыбчивый незнакомец, бывший с ней в лунную ночь? Увы, мы можем только гадать. Ну, например, не тот ли это молодой человек, о котором она в 1911-м напишет стихотворение «Рыбак». Долго я считала, что оно об одном из рыбаков вблизи Херсонеса, бухт Песочной или Стрелецкой, с которыми она еще девочкой «дружбу водила», когда в возрасте от семи до тринадцати лет проводила там с семьей летние месяцы. А потом зацепила строфа «*Даже девочка, что ходит...*», ведь именно в Балаклаве была традиция встречать проходящих с путины на мысу, на утесе, да и хамса (камса) рыба балаклавская.

*Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар тебе идет...*

*И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.*

прежде всего и мечтали эти «юноши, девушки, пары и одиночки»? Он также был вдохновлен здешней ночью, когда

В море вспыхнул светлый мост,
Ярко дышат брызги звезд.
Месяц ночь освободил,
Месяц море победил.

В эти часы и он увидел, как «В серых башнях, вдоль стены, / Встали тени старины» и «Отделился в полумгле / Белый призрак Джамиле», / «Призрак царственной княжны», пришедшей на свидание с любимым, зная что расплатится за это жизнью. Об этом его «Чары месяца», долгие и завораживающие «медленные строки». А еще через год, в 1899-м, здесь побывал другой кумир тогдашней молодежи Валерий Брюсов, творчество которого Анне было хорошо знакомо еще в гимназические годы²¹, и создал цикл стихов «У моря»:

Волны приходят и волны уходят,
Стелются пеной на берег отлогий.
По морю чайки туманные бродят,
Чайки летят и кричат как в тревоге.

Много столетий близ отмели дикой
Дремлют в развалинах римские стены,
Слушают чаек протяжные крики,
Смотрят на белое кружево пены.

Возможно, что и строки Ивана Бунина, так любившего Крым и в Севастополе не раз бывавшем, звучали, ну хотя бы вот эти 1900 года:

К побережью моря длинная аллея
Ведет вдали как будто в небосклон:
Там море подымается, синяя,
Меж позабытых мраморных колонн...

Итак, с наступлением тепла восемнадцатилетняя Анна, страдающая от душевного одиночества, материальной нужды, бытовой неустроенности и болезни, попадает в место, куда, как писал Елпатьевский, «нельзя проехать», а «можно только приехать», попала в «ни на кого не похожий, свой отделенный мир». Один из друзей Ахматовой Исая Берлин писал в своих Воспоминаниях, что Анна Андреевна, говоря о детстве на берегу Черного моря, «называла эти места языческим, некрещеным краем; там она чувствовала близость к какой-то полугреческой, полуварварской... культуре».¹⁷ Конечно, в не меньшей мере, чем Херсонес, эти чувства должна была вызвать у нее стиснутая со всех сторон горами балаклавская гавань, 2000 лет назад названная «узкоустой» знаменитым греческим историком и путешественником Страбонам, отметившим в своем труде «География», что в древности там обитали разбойники тавры¹⁸. Многие историки не без основания полагали, что именно эта гавань воспета в Гомером в X песне «Одиссеи», повествующей о трагической встрече команды царя Итаки с кровожадными великанами «в стране лестригонов». Во всяком случае в переводе В.А.Жуковского это место поразительно узнаваемо (даже питьевой ключ под стенами древнего города действует до сих пор). Можно только вообразить, какие чувства она испытывала, оказавшись здесь среди колоритно одетых женщин и черноволосых и белозубых мужчин, говорящих по-гречески, каждый день выходящих в море, источающих смешанный запах рыбы, соли, йода, дегтя, которым они пропитывали днища своих суденышек, гордо именуемых баркасами, — ведь она глубоко веровала в семейные предания, что в жилах ее бабушки текла кровь морских разбойников¹⁹. Впечатление, что ты попал в другое историческое измерение, усиливают в Балаклаве крепостные башни, высящиеся на крутой горе, замыкающей бухту, с высоты вроде бы безучастно на современную жизнь вззирающие, но полные своих тайн и загадок...

В свою очередь, приезд Анны в еще малолюдную (сезон - впереди) Балаклаву, где все быстро узнают друг о друге, не мог остаться незамеченным. Еще бы, - столичная, а плавает так, что и парни позавидуют, да и с яликом может управиться²⁰. А тут и курортники потянулись, и началась обычная для летней Балаклавы жизнь, с вечерней музыкой на набережной, с ночными катаниями в бухте по неподвижной, черной и тяжелой воде, а, главное, с таинством встречи ночного светила, особенно в пору его полнолуния. Удивительно это описано у Елпатьевского. Когда кончалась музыка, молодежь не хотела расставаться друг с другом и с «кроткой ночью» и шла к Крепостной горе и к соседнему с ней утесу, загораживающему вход в бухту.

«Огромным шаром поднимается из-за гор луна и снимает темные одежды с высоких гор, утрюмых утесов и одевает их белыми ризами, узорчатыми тенями. Всё сияет кругом... Переливающаяся белыми огнями серебряная дорога стелется в бесконечную даль... Узенькая площадка над обрывом полна людьми. Сидят на лавочках, сидят на земле, на выступах камней, говорят тихими, пониженными голосами... А выше, под самой стеной Генуэзской крепости... сидят пары и одиночки, юноши, девушки и, не отрываясь, смотрят в сияющую, безбрежную даль и слушают рокот сонной волны у прибрежного утеса...».

О чем говорили тогда у древних камней? Вероятно, в ту пору повального увлечения поэзией читали стихи, пересказывали предания. И того, и другого об этих легендарных руинах было предостаточно. Воображение легко подсказывало то тень генуэзца с «рукой, протянутой к стилету», то турка или татарина, или воскресшего листригона... В 1895 году поэт, собиратель крымского фольклора Владимир Шуф написал о Балаклаве большую поэму «Баклан»:

Лежит близ моря Балаклава,
Едва приметный уголок.
Домишек ряд убогих справа,
А слева ясен и глубок
Блестит залив...

.....
Здесь невод сушат рыбаки,
Тут поселившиеся греки.
Хоть в незапамятные дни
Слыли пиратами они...

Но у Балаклавы есть и другой образ. Вот он:

Над безмятежной Балаклавой
Седой развалиной навис
Суровый замок. Смотрит вниз
Он с голых скал, гордясь кровавой
И полной смерти, прежней славой.

.....
Когда спит Замок в тьме ночной,
Чуть озаряемый луной,
Здесь рой мерещится видений, -
И суверия печать
Его руины заклемила...

Далее в поэме повествуется о любви бедного рыбака и молодой жены старого купца. Конечно, их свидание у древних башен окончилось трагически... И не одна такая история в памяти «седых легенд». Вот почему так «Неохотно говорят / О замке греки Балаклавы».

Через три года «Гавань спокойную» воспел находящийся тогда в зените популярности Константин Бальмонт, которому именно здесь, во время прогулки «по выжженному склону... среди камней» вдруг открылось понимание, «Что дышит жизнь в немом затоне, / Что есть бессмертная любовь». Не о ней ли